

DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601

Ирина Святославовна Андрианова*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией
Института филологии**Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«Я СВЯЗАНА С НЕЙ ПРОТИВ ЕЕ ЖЕЛАНИЯ»: О РАСШИФРОВКЕ Ц. М. ПОШЕМАНСКОЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ*

Аннотация: В 2018 г. постановлением Министерства труда и социальной защиты была ликвидирована и ушла в историю профессия стенографиста в связи с ее невостребованностью. Исследователи творчества Достоевского хранят память о двух стенографистках — литературной сотруднице писателя А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской, скромной ленинградской стенографистке, сумевшей найти ключ к системе скорописи первой. В 1950–1970-е гг. Ц. М. Пошеманская открыла для общественности дневник А. Г. Достоевской за 1867 г., наброски к «Дневнику Писателя» и «Братьям Карамазовым», биографию Достоевского и некоторые другие страницы, застенографированные рукой помощницы писателя. Сведения, сохранившиеся к нашему времени о Ц. М. Пошеманской и ее масштабной многолетней работе во имя памяти Достоевского, скупы. В данной статье кратко описаны основные этапы профессионального пути ленинградской стенографистки. Некоторые дополнительные факты о жизни и трудах Ц. М. Пошеманской можно почерпнуть из документов, хранящихся в фонде историка-архивиста С. В. Житомирской (ф. 10239) из ГА РФ, — в первую очередь, из писем стенографистки к сотрудникам рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина В. М. Федоровой и С. В. Житомирской. Публикуемые в данной статье письма Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой, размещенные в Приложении, дают достаточно полное представление о методике работы ленинградской стенографистки и ставят задачу использования ее опыта при расшифровке стенограмм не только архива Достоевских, но и других исторических стенограмм.

Ключевые слова: Достоевский, Анна Достоевская, Ц. М. Пошеманская, С. В. Житомирская, В. М. Федорова, стенография, дневник, Государственный архив Российской Федерации

1 апреля 2018 года в России была ликвидирована профессия стенографиста. Министерство труда и социальной защиты посчитало ее не востребованной в современной жизни. Ушла в прошлое целая эпоха, завершилась 150-летняя история успешного практического применения стенографии в России.

В историю достоевсковедения вошли две стенографистки. «Стенографка моя»¹ — таким устаревшим теперь словом называл Достоевский свою литературную сотрудницу **Анну Григорьевну Сниткину**, ставшую затем его женой и работавшую с ним с осени 1866 г. и до конца жизни писателя (см.: [Андрианова, Сосновская]). Отметим, что в XIX в. в словах «стенограф» и «стенографка» ударение ставилось на третий слог². В 20-е гг. XX в. в процессе языковой динамики и русификации заимствований в существительном мужского рода ударение сместилось на второй слог: стенограф (так же,

как и в словах *литограф*, *лексикограф* и др.) [Валгина: 71], а существительное женского рода изменило форму на «стенографистка» (вероятно, по аналогии с другими популярными в советское время женскими профессиями — машинистка, телеграфистка, телефонистка).

Говоря о расшифровке записей жены Достоевского, называют имя стенографистки *Цецилии Мироновны Пошеманской*. «Я связана с ней против ее желания...»³, — написала 7 сентября 1877 г. ленинградская стенографистка об А. Г. Достоевской, просившей в завещании уничтожить ее стенографический дневник⁴. Стенографические книжки А. Г. Достоевской, пролежавшие около полувека в нерасшифрованном виде в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ), обратили на себя внимание исследователей в 1950-е гг. в связи с подготовкой научного описания автографов Достоевского. В рукописном отделе Института русской литературы (ИРЛИ) хранились другие стенографические записи жены писателя, вызывавшие интерес ученых. Их расшифровка считалась одной из труднейших литературных загадок, ведь система, по которой они были созданы, устарела, и не имелось специалистов, ею владеющих. Эта загадка сопоставлялась академиком М. П. Алексеевым — в 1950–1963 гг. заместителем директора Пушкинского Дома по научной работе — с дешифровкой письменности исчезнувшего народа майя⁵. Главный редактор готовящегося к изданию описания рукописей Достоевского В. С. Нечаева подсказала Ц. М. Пошеманской, как можно найти ключ к стенографической системе жены писателя: сопоставить часть текста дневника, расшифрованную самой Анной Григорьевной в 1894–1912 гг., и стенографические книжки. Воспользовавшись советом, скромная стенографистка Ленинградского бюро съездовых стенографов нашла ключ к системе скорописи А. Г. Достоевской и в 1950–1970-е гг. открыла для общественности не только дневник 20-летней девушки, в 1867 г. отправившейся за границу с мужем, но и другие документы, застенографированные рукой литературной помощницы писателя: наброски к «Дневнику Писателя» и «Братьям Карамазовым», черновики писем Ф. М. Достоевского к будущему императору Александру III, деловые и личные письма Анны Григорьевны к разным лицам, биографии Достоевского.

Об этом «подвиге», «самоотверженной работе» ленинградской стенографистки писали газеты и журналы⁶ — порой с патетикой, присущей советской прессе: «Я прощаюсь с Цецилией Мироновной, полный благодарности за чудесный труд, украшающий ее, скромную и такую обыкновенную советскую женщину...»⁷.

Несмотря на ее известность в 1950–1970-е гг., сведения, сохранившиеся к нашему времени об этой женщине, скупы (хотя память о ней хранят некоторые исследователи творчества Достоевского — В. Д. Рак, С. В. Белов, В. Н. Захаров, Н. В. Чернова и др.). Дополнительные факты о жизни и трудах Ц. М. Пошеманской можно почерпнуть из документов, хранящихся в фонде историка-архивиста С. В. Житомирской (ГА РФ. Ф. 10239⁸): из писем

стенографистки к сотрудникам рукописного отдела ГБЛ В. М. Федоровой и С. В. Житомирской и официальных документов. Подробных описаний своей работы по разбору стенограмм А. Г. Достоевской Пошеманская не оставила ни в интервью, ни в научных статьях. Однако своим ценным опытом расшифровки и результатами работы она делилась в письмах за 1957–1958 гг. к В. М. Федоровой — одной из старейших сотрудниц ГБЛ, принятой туда в 1930 году, и первой воспитаннице литературоведа и текстолога Е. Н. Коншиной (см. [Житомирская: 191]). Сохранилось шесть писем Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой (авторизованная машинопись за подписью автора), публикуемых в *Приложении* к данной статье.

В книгах А. М. Юрковского, исследователя истории стенографии, фамилия ленинградской стенографистки указана неправильно как «Пошемьянская» [Юрковский, 1965: 30–31], [Юрковский, 1969: 157], что повлекло за собой подобную ошибку и в трудах современных исследователей (см., напр.: [Рогов, Скабин, Штеркель: 230]). В мемуарах С. В. Житомирской, являвшейся заведующей Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР в период с 1952 по 1978 гг., отмечено, что настоящее отчество Пошеманской — *Моисеевна* [Житомирская: 474]. Этому свидетельству можно доверять: С. В. Житомирская и Ц. М. Пошеманская, готовя к публикации дневник А. Г. Достоевской, тесно общались в 1960–1980-е гг. Тем не менее в личном деле ленинградской стенографистки, хранящемся в фонде Санкт-Петербургского филиала Института языкознания АН СССР, ее имя записано как «Пошеманская Цецилия Мироновна» (Архив РАН. Ф. 77, оп. 005, д. 408). Дата ее рождения — 15 июля 1904 г. Дата смерти точно неизвестна — после 1991 г.: последний документ с упоминанием о гонораре для Ц. М. Пошеманской, хранящийся в архиве С. В. Житомирской, датирован 21 января 1991 года⁹.

Стенографии Пошеманская обучилась на курсах в 1931 г. «В те годы еще была у нас безработица, а машинисткам и стенографисткам найти работу было немного легче», — вспоминала Цецилия Мироновна в интервью журналистке Н. В. Гречук¹⁰. Какой именно системой из множества существовавших в начале XX в. Пошеманская овладела — неизвестно: с одной стороны, это не была система Ф. К. Габельсбергера, по которой стенографировала жена Достоевского, но и не государственная единая система стенографии (ГЕСС), разработанная Н. Н. Соколовым и принятая после 1931 г., а именно — 10 июня 1933 г.

Короткий период — с 4 мая по 1 июня 1941 г. — Ц. М. Пошеманская была сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра (с 1952 по 1991 г. Ленинградское отделение Института языкознания, ныне — Институт лингвистических исследований), но большую часть жизни посвятила работе в Ленинградском бюро съездовых стенографов¹¹.

3 апреля 1957 г. она писала В. М. Федоровой: «Я работаю в Бюро съездовых стенографов (Ленинград, Владимирский, 14), — это государственное учреждение, которое обслуживает стенографированием различные предприятия,

учреждения, научно-исследовательские институты, райкомы, исполкомы и другие самые разнообразные учреждения Ленинграда и области, поэтому работы всегда чрезмерно много, приходится работать по 12 часов в день и даже больше. Правда, в летние месяцы работы гораздо меньше»¹².

Такая предельная нагрузка на основной работе вынудила Пошеманскую перед началом расшифровки дневника Достоевской просить отдел рукописей ГБЛ «ходатайствовать через какое-либо высшее учреждение об освобождении <...> хотя бы от половины обязательной к выполнению нормы стенографических часов»¹³. Цецилия Мироновна оговорила и оплату масштабного труда над расшифровкой дневника, сославшись на обычно хорошее вознаграждение за ее стенографический труд:

«Для ориентировки сообщаю, что я работаю на сдельной оплате и моя средняя зарплата (что могу подтвердить документом бухгалтерии), составляет 1500 рублей в месяц. Для ГБЛ я могла бы работать в ИРЛИ три или два дня в неделю — по согласованию с Вами. Следовательно, оплата за работу по расшифровке “Дневника” должна была бы составлять, соответственно, примерно, 500–700 р. в месяц. В эту сумму будет входить, кроме оплаты за работу в Рукописном отделе непосредственно, еще и работа дома над отдельными особо трудными для прочтения словами, встречающимися в рукописи — неразборчиво написанными, со стершимися знаками, (поскольку запись была сделана карандашом более 90 лет тому назад), очень сокращенными словами и т. п. Их надо копировать с большой точностью в тетрадь для работы над ними дома, поскольку самой рукописи я домой получить не могу; затем еще работа дома по перепечатке на машинке расшифрованных стенографических материалов»¹⁴.

Договоренность с руководством бюро съездовых стенографов и отделом рукописей ГБЛ была достигнута, и Пошеманская имела возможность три раза в неделю с 9 до 18 часов работать в рукописном отделе Института русской литературы с оригиналами стенографических книжек, пересланными из ГБЛ (позднее, расшифровывая наброски к «Братьям Карамазовым», она уже пользовалась фотокопиями и трудилась над стенограммами в домашних условиях). «Едва начав это исследование, — вспоминала Цецилия Мироновна, — я так им увлекалась, что уже оторваться от него, отказаться не могла. Эта работа захватила меня целиком»¹⁵.

Особенности своей кропотливой и многоэтапной работы по расшифровке дневника жены Достоевского Ц. М. Пошеманская описала в письмах к В. М. Федоровой от 6 января 1958 г. и от 28 января 1959 г. После первого страха и неуверенности в своих возможностях ленинградская стенографистка смогла выработать методику расшифровки, в результате которой «стали вырисовываться слова и складываться фразы»:

«Метод моей работы такой:

1) Чтение стенографической записи и дословная расшифровка от руки в тетрадь.

Для слов, которые мне не удастся прочесть сразу (или даже при неоднократном перечитывании) я оставляю свободные места в тексте и отмечаю в сноске: «слово не разобрано», или «неразборчиво переправленное», или «залито клеем» и т. п.

2) Параллельно с этой основной работой по расшифровке записной книжки Женевского периода (сентябрь-декабрь 1867 г.), я производжу сличение записей, содержащихся во второй записной книжке, с соответствующими записями опубликованного в 1923 г. «Дневника А. Г. Достоевской». (Эта записная книжка содержит материал, соответствующий 192 страницам опубликованного текста).

Это мне нужно для того, чтобы выявить и ознакомиться с особыми, придуманными Анной Григорьевной, и применявшимися ею сокращениями слов, которых, естественно, не могло быть в изучавшемся мною «Руководстве». Для этой цели я выписала из библиотеки ИРЛИ «Дневник А. Г. Достоевской».

3) Следующий этап работы — перепечатка расшифрованного материала на машинке (с пропусками отдельных непрочитанных слов).

4) После перепечатки сверить со стенографической записью, по возможности останавливаясь на пропусках и пытаясь прочесть не прочитанные еще слова.

5) Окончательная перепечатка всего материала¹⁶.

Пошеманская периодически сообщала в ГБЛ о результатах своей работы и присылала В. М. Федоровой отрывки из расшифрованного текста. Интересно, что эти, первоначальные ее расшифровки не во всем совпадают с окончательным текстом, опубликованным в издании 1993 года под редакцией С. В. Житомирской (М.: Наука, серия «Литературные памятники»).

Первоначальный вариант	Окончательный вариант
Итти я решила с однако часу в первом, но раньше решила сходить на почту и узнать, нет ли писем , не пришли ли деньги от Яновского.	Идти я решила с эдак часу в первом, не раньше. Но прежде решила сходить на почту и узнать, нет ли письма , не пришли ли деньги от Яновского.
Сегодня Федя занимался переписыва- нием своей статьи и очень много что вычеркнул или переменял...	Сегодня Федя занимался пересмот- ром своей статьи и очень много что вычеркнул или переменял...

<p>...иногда мы ругаемся, особенно я, называю его дураком, но... разгорячась, так что и он понимает, что я его не желаю обидеть, то рассмеется в ответ, то как-нибудь обругает.</p>	<p>...иногда мы ругаемся, особенно я называю его дураком, но сейчас расхохочусь, так что и он, понимая, что я его не желаю обидеть, тоже рассмеется, и в ответ тоже как-нибудь обругает.</p>
---	---

Разночтения и уточнения указывают на добросовестность Ц. М. Пошеманской: она не раз писала о своем ответственном подходе к расшифровке: «...я <...> со своей стороны употреблю все усилия, чтобы выполнить ее с максимальной тщательностью»¹⁷, «...хотелось бы, чтобы текст был максимально полон и точен <...> даже при опущении “и”, “а” и т. п. местами пропадает колорит письма автора»¹⁸. Разночтения между первоначальной версией расшифровки дневника и окончательной подтверждают то, что стенографическая система Ф. К. Габельсбергера в обработке П. М. Ольхина, которой владела А. Г. Достоевская, являлась чрезвычайно сложной и запутанной, полной омографов, страдающей прямой зависимостью от контекста всего предложения и в этом отношении свободной.

При участии Ц. М. Пошеманской заговорили «мертвые страницы дневников»¹⁹. Ее труд по расшифровке стенограмм А. Г. Достоевской признан исследователями и поклонниками творчества великого русского писателя.

Публикуемые письма дают достаточно полное представление о методике работы Ц. М. Пошеманской и ставят задачу использования ее ценного опыта при расшифровке стенограмм не только архива Достоевских, но и других исторических стенограмм.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования», № 17-34-01075-ОГН а2.

- ¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 182.
- ² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. IV. С. 330.
- ³ Пошеманская Ц. М. Письмо к С. В. Житомирской // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281.
- ⁴ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с заголовком: «Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской на случай ее смерти или тяжкой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы» (1902–1911) // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 224. Л. 47.
- ⁵ Как вспоминала Ц. М. Пошеманская в 1970 г. в интервью петербургской журналистке Н. Гречук: «...академик Михаил Павлович Алексеев показывал листки Достоевской нескольким опытным стенографисткам — они отказались взяться за эту работу. Поначалу не согласилась и я: была уверена, что расшифровка этих записей — дело непосильное и, главное, безрезультатное... В ответ на это Михаил Павлович напомнил мне историю с письменностью маяя — тоже ведь не предполагали, что она когда-нибудь заговорит...» — «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. №302 (27 декабря). С. 2.

- 6 См., напр.: Аренин Эл. Подвиг стенографистки // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1959. № 130 (13057). 3 июня. С. 4; «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. №302 (27 декабря). С. 2; Мар Н. Как были расшифрованы записные книжки А. Г. Достоевской // Литературная газета. 1971. №47 (17 ноября). С. 4; Житомирская С. Женевский дневник // Литературная газета. 1972. №33 (16 августа). С. 7; Ланский Л. Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Наука и жизнь. 1974. №7. С. 104–106.
- 7 Аренин Эл. Подвиг стенографистки // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1959. № 130 (13057). 3 июня. С. 4
- 8 Автор статьи выражает глубокую признательность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации Ф. И. Мелентьеву, Н. С. Зелову и Л. И. Кулагину за предоставление ксерокопий документов из фонда С. В. Житомирской (ф. 10239).
- 9 Балашов Н. И., Птушкина И. Г. (члены редколлегии серии «Литературные памятники»). Письмо к директору издательства «Наука» С. А. Чибиряеву о заключении договора на книгу «А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года» с С. В. Житомирской, Ц. М. Пошеманской, А. Л. Гришуниним // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281.
- 10 «Для меня — самая интересная!» (Воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) [беседу вела Н. Гречук] // Смена. 1970. №302 (27 декабря). С. 2. Это единственное интервью с Ц. М. Пошеманской взяла Н. В. Гречук. Со временем она стала известной в Санкт-Петербурге журналисткой, а спустя 45 лет после данного интервью выпустила книгу «Петербург. События и лица. История города в фотографиях Карла Буллы и его современников». Одна из ее глав — «Рассказ о двух стенографистках» — написана на основе данного интервью в «Смене» и посвящена А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской [Гречук].
- 11 В 1970-е годы после выхода на пенсию Пошеманская вела в активный образ жизни, посещала группу здоровья, мечтала «дожить и до выхода из печати “Дневника” и до отдельной квартиры» (Пошеманская Ц. М. Письмо к Житомирской С. В. От 12 декабря <1975> // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281). Стенографистка входила в категорию женщин-фронтовиков и в связи с этим в 1977 г. получила 1-комнатную квартиру на Московском проспекте Санкт-Петербурга, переехав в нее с Лиговского проспекта (В справочниках «Весь Петербург» начала XX в. и книге А. Ф. Векслера и Т. Я. Крашенинниковой «Такая удивительная Лиговка» отмечено, что на Лиговском проспекте содержали легковой извоз Пошеманские [Векслер, Крашенинникова]. Возможно, это были родственники стенографистки).
- 12 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 3 апреля 1957 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 13 Там же.
- 14 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 21 декабря 1957 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 15 «Для меня — самая интересная!» С. 2.
- 16 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 6 января 1958 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 17 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 25 декабря 1957 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202.
- 18 Пошеманская Ц. М. Письмо к С. В. Житомирской. От 9 октября 1975 г. // ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281.
- 19 «Для меня — самая интересная!» С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — №1. — С. 43–67. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (20.04.2018).
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2001. — 302 с.
3. Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я. Такая удивительная Лиговка. — М.: СПб.: Центрполиграф Русская тройка-СПб, 2012. — 590 с.
4. Гречук Н. В. Петербург. События и лица: история города в фотографиях Карла Буллы и его современников. — М.; СПб.: Центрполиграф Русская тройка-СПб, 2015. — 477 с.
5. Длусский С. М. Что такое стенография? Значение ее в историческом, общественном и педагогическом отношениях. — СПб.: Д. Ф. Федоров, 1874. — 32 с.
6. Житомирская С. В. Просто жизнь. — М.: РОССПЭН, 2006. — 599 с.
7. Рогов А. А., Скабин А. В., Штеркель И. А. О дешифровке рукописных исторических документов // *Информационные технологии и письменное наследие*. — Петрозаводск, 2012. — С. 230–233.
8. Юрковский А. М. Изучай стенографию! — М.: Просвещение, 1965. — 94 с.
9. Юрковский А. М. Стенография сквозь века: Очерки по истории стенографии. — М.: Книга, 1969. — 163 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Письма Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой
3 апреля 1957 г. — 8 апреля 1958 г.**

Источник текстов: ГА РФ. Ф. 10239 (С. В. Житомирская). Оп. 1. Д. 202.

Публикуются впервые.

К письмам приложены шесть конвертов с надписями одинакового содержания:

Куда МОСКВА Г-48

МАЛАЯ ПИРОГОВСКАЯ д. 3/6 кв. 30

Кому ФЕДОРОВОЙ

Вере Михайловне

Адрес отправителя: Ленинград,

Лиговский пр. № 275 кв. 12

Пошеманская Ц. М.

Страницы писем пронумерованы И. С. Андриановой.

Тексты писем публикуются в соответствии с орфографией и пунктуацией оригиналов.

Подготовка к публикации И. С. Андриановой, Е. Н. Вяль.

<1>

Уважаемая Вера Михайловна!

Я получила Ваше письмо и фотокопию письма А. Г., расшифровку последних двух строк которой прилагаю. Неразобранные три слова, возможно, могли бы быть прочитаны, если я могла бы систематически работать над материалами А. Г., находящимися в ИРЛИ, как я это делала осенью и частично зимой, когда была меньше занята на своей работе.

Только при тщательном изучении написания отдельных слов А. Г., при выкая к ее почерку, находя аналогичное написание того же слова в другом материале, можно подтвердить правильность расшифровки трудно поддающихся расшифровке слов.

Но я вот уже два месяца не имею возможности работать в ИРЛИ, чтобы закончить там расшифровку. Причина – предельная нагрузка на своей работе.

Я работаю в Бюро съездовых стенографов (Ленинград, Владимирский, 14), это государственное учреждение, которое обслуживает стенографированием различные предприятия, учреждения, научно-исследовательские институты, райкомы, исполкомы и другие самые разнообразные учреждения Ленинграда и области, поэтому работы всегда чрезмерно много, приходится работать по 12 часов в день и даже больше. Правда, в летние месяцы работы гораздо меньше.

Я пишу это к тому, чтобы сказать, что в настоящих условиях, к сожалению, не могу принять Ваше предложение о расшифровке дневниковой тетради, находящейся у Вас, хотя очень хотела бы заняться этой работой.

Как изменить условия, чтобы я смогла этой работой заняться? Может быть следовало бы ходатайствовать через какое-либо высшее учреждение об освобождении меня для этой работы, т. е. конкретно я просила бы освободить меня хотя бы от <с. 1> половины обязательной к выполнению нормы стенографических часов. Тогда я могла бы хотя бы 3 раза в неделю неотрывно (это главное) работать в ИРЛИ, куда Вы могли бы переслать дневниковую тетрадь № 1. Мое же непосредственное начальство (заведующая Бюро) не пойдет навстречу ни мне, ни Вам, т. к. не захочет добровольно (хотя бы и временно) лишиться работника.

Следующая инстанция — Управление Культуры Исполкома Ленгорсовета, куда входит наше Бюро съездовых стенографов, начальнику которого подчиняется моя заведующая. Еще выше — Министерство Культуры. Как действовать, предоставляю выбор Вам.

Повторяю, минимальные возможные для меня условия начать эту работу, это дать мне половину нормы стенографических часов в месяц на время

выполнения этой работы и полное отключение от всякого рода общественных нагрузок, которые поглощают тоже много времени.

Сколько времени займет расшифровка этой дневниковой тетради сейчас сказать невозможно, может быть ряд месяцев, тем более, что объем работы составит, примерно, 100–150 страниц на машинке. Точнее относительно времени, которое займет эта работа я сказала бы после того, как начала бы работу. Дело в том, что не все в почерке А. Г. читается легко, есть неясно написанные слова, сильно сокращенные, неразборчивые вообще, стершиеся начертания. Написано карандашом, очень мелко, да еще поперек книги и без линеек, а линия строки в этой системе имеет значение.

Кроме того, естественно, что при первом чтении будут неп прочитанные отдельные слова и придется читать неоднократно, чтобы восстановить пропуски.

Прилагаю примеры прочтения отрывков из этой дневниковой тетради, с пропусками отдельных неп прочитанных слов.

Уважающая Вас

Ц. Пошеманская

3/IV-57 <с. 2>

Я попыталась начать читать материал из тетради № 1, стенографические записи за период с августа по декабрь 1867 г. по-видимому неопубликованные, и это мне удалось. Я стала читать иногда с небольшими пропусками отдельных слов, что, возможно, будет восстановлено при перечитывании.

Среда 29–18. Встала я сегодня ужасно грустная и ужасно горевала о том, что мне придется сегодня непременно итти к одной портнихе закладывать у нее мою кружевную мантилью. Господи! Как мне этого не хотелось, мне кажется, я готова была просидеть голодом 3 дня, есть только один хлеб, чем итти опять кланяться, чтобы дали какие-нибудь 40 франков, да вряд ли и это дадут, тем более, я ведь ничего в этом не понимаю. Хотели тогда взять ее за 20 франков. Как это мне было тяжело итти, один бог только это знает. Итти я решила однако часу в первом, но раньше решила сходить на почту и узнать, нет ли писем, не пришли ли деньги от Яновского. Отправилась я и всю дорогу молилась и плакала, мне была до крайности... мысль, что мне придется итти и закладывать, так мне было совестно перед нею. Эти дураки непременно подумают, что я действительно так бедна, что мне так непременно нужны деньги, и, пожалуй, вздумали бы продать мои платья. Я всю дорогу молилась и просила у Бога помочь мне.

На почте мне сказали, что есть посылка, но что надо, чтобы пришел мой муж. Я была так этому рада, просто ужасно, чуть ли не бегом шла домой и придя домой сказала Феде, что что-то пришло...

Федя пил чай, поскорее допил и отправился на почту, чтобы скорее взять, что на его имя пришло...

Когда он ушел, я ужасно боялась, чтобы не пришло просто одно рекомендованное письмо с отказом в деньгах. Это было бы просто ужасно, особенно в нашем положении. Денег нет, осталась одна надежда на заклад мантильи, а тут еще отказ...

Федя довольно скоро пришел, сказал, что это письмо от Яновского, что он был так добр, что прислал не 75, 50, как Федя у него просил, а 100 рублей. Как я была благодарна этому человеку. Вот уж именно спас нас, вот уж именно помог в такую минуту, когда у нас решительно ничего не было, а главное, меня избавил от страшной необходимости итти просить денег... Господи, как это хорошо, что письмо застало его, иначе оно пролежало бы... и только тогда он мог собраться послать к нам.

Федя не заходил разменять, а торопил меня одеться, чтобы итти разменять вместе деньги. Мы отправились, зашли к Paravin<> где я обыкновенно меняю деньги. Но выдали не 336, как я предполагала, а 334 франка, сильно понизился курс.

Проходили мимо сапожного мастера и Федя припомнил, что у него сапоги ужасно драные, и мы тут решили непременно купить ему новые. Федя пришел нынче вот к какому... нужно купить, пока деньги есть, а то деньги выйдут, и не будет ни денег, ни одежды. Вот если бы он всегда так руководствовался этой мыслью, то, правда, я бы была очень хорошо одета и у него были бы часы, а то... у нас 300 франков, считаем себя бедняками и говорим, что <с. 3> денег у нас нет, а когда действительно нет денег, то рады ужасно 10 франкам и считаем, что у нас все еще деньги есть.

Зашли к сапожнику, Федя выбрал сапоги (здесь торговала дама, я ужасно не люблю магазина, где продают дамы, а особенно сапожного, это же совершенно неприлично для женщины)...

Четверг 26–14. ...Сегодня Федя занимался переписыванием своей статьи и очень много что вычеркнул или переменял, так что после обеда он предложил мне переписать, по крайней мере, 20 страниц. Просил, чтобы это было готово к завтра, потому что он думает завтра послать статью в Москву... Я переписала несколько страниц, но остальное оставила до завтра, а сама весь вечер читала Corricolo.

Федя нынче со мною очень нежен, добр, у нас всегда так мирно; иногда мы ругаемся, особенно я, называю его дураком, но... разгорячась, так что и он понимает, что я его не желаю обидеть, то рассмеется в ответ, то как-нибудь обругает. У Феде страшно болит левая рука, так что он решительно не знает, что с нею и делать. Сегодня 5 месяцев, как мы уехали из России. <с. 4>

<2>

Глубокоуважаемая Вера Михайловна!

Зав. Бюро съездовых стенографов (где я работаю), сообщила мне о получении Вашего письма в Управлении культуры с запросом о разрешении мне работать в Рукописном отделе ИРЛИ по заданию ГБЛ, и что Вам должны были дать положительный ответ.

Вы, вероятно, считаете, Вера Михайловна, что я давно уже начала эту работу, так как, помнится, когда мы с Вами беседовали в ГБЛ, я сказала, что когда начну эту работу, тогда дам Вам знать как она у меня пойдет. К сожалению, до сих пор я не имела ни малейшей возможности начать работу по расшифровке «Дневника» Анны Григорьевны.

Теперь, имея принципиальное согласие моего ленинградского начальства, я могла бы безотлагательно приступить к этой работе с января. Но предварительно хотела бы знать в какой форме будет производиться компенсация времени, которое я буду затрачивать на эту работу.

Для ориентировки сообщаю, что я работаю на сдельной оплате и моя средняя зарплата (что могу подтвердить документом бухгалтерии), составляет 1500 рублей в месяц.

Для ГБЛ я могла бы работать в ИРЛИ три или два дня в неделю — по согласованию с Вами. Следовательно, оплата за работу по расшифровке «Дневника» должна была бы составлять, соответственно, примерно, 500–700 р. в месяц.

В эту сумму будет входить, кроме оплаты за работу в Рукописном отделе непосредственно, еще и работа дома над отдельными особо трудными для прочтения словами, встречающимися в рукописи – неразборчиво написанными, со стершимися знаками, <с. 5> (поскольку запись была сделана карандашом более 90 лет тому назад), очень сокращенными словами и т. п. Их надо копировать с большой точностью в тетрадь для работы над ними дома, поскольку самой рукописи я домой получить не могу; затем еще работа дома по перепечатке на машинке расшифрованных стенографических материалов.

Я затрудняюсь сказать, сколько времени займет работа по расшифровке «Дневника» Анны Григорьевны, так как я к этой работе еще не приступила. Если начну в январе (а это теперь зависит лишь от Вас), то с февраля, и дальше каждый месяц я буду информировать Вас как идет эта работа.

Возможно, что у Вас будут другие соображения в отношении условий работы, поэтому прошу Вас, Вера Михайловна, в любом случае, как можно скорее дать мне ответ с тем, чтобы я могла заранее спланировать всю свою работу в январе.

Уважающая Вас

Ц. Пошеманская

Прилагаю расшифрованное (теперь уже полностью) письмо с присланной Вами фотокопии.

21/ХІІ-57 <с. 6>

<3>

Дорогая Вера Михайловна, благодарю Вас за теплое письмо и добрые пожелания в нем; кстати, я его получила 21 числа во второй половине дня, — но еще утром того же дня отправила Вам подробное письмо.

Я очень рада, что основной вопрос разрешен и я теперь имею возможность не урывками, в ущерб своей работе (а теперь и это было бы исключено, потому что конференций и совещаний всякого рода катастрофически много), — а два-три раза в неделю, с 9 до 18 часов, не отрываясь для другой работы, спокойно заниматься в Рукописном отделе Института литературы.

Благодарю Вас, Вера Михайловна, за желание мне помочь. Я не буду Вас беспокоить без крайней необходимости.

Хотелось бы сказать, что я со всей ответственностью отношусь к этой работе и со своей стороны употребляю все усилия, чтобы выполнить ее с максимальной тщательностью. О результатах буду Вам сообщать.

Примите мои новогодние поздравления,
с пожеланием здоровья и всякого благополучия

Ц. Пошеманская

25/ХІІ <с. 7>

<4>

Добрый день, Вера Михайловна, я хочу сообщить Вам предварительные результаты первых дней моей работы.

2 января я открыла первую страничку Дневника и упала духом, увидев едва обозначенные карандашные бисерные знаки в записной книжке, и даже подумала, не безрассудно ли было с моей стороны браться за это?

Однако понемногу стали вырисовываться слова и складываться фразы. Я стала читать, правда, с пропусками отдельных, пока не прочитанных, слов. В первый день я осилила 4 странички стенографического текста, что соответствует, примерно, 5 страницам напечатанным на машинке. Работала с 10 до 17.30.

3/1 прочитала 6 страничек стенографического текста, т. е. примерно 7–8 страниц машинописных, причем я возвращалась к прочитанному накануне с тем, чтобы восстановить некоторые пропуски. Работала с 10 до 17.30.

4/1 (суббота) работала с 10-16 и прочла примерно 9 машинописных страниц, т. е. больше чем в предыдущие дни. Это объясняю тем, что я уже вчиталась в систему.

Итого за 3 дня я прочитала 6 дневниковых записей (т. е. записей за 6 дней) или 18 нумерованных страничек Дневника, что соответствует, примерно, 22 страницам машинописным.

Метод моей работы такой:

1) Чтение стенографической записи и дословная расшифровка от руки в тетрадь.

Для слов, которые мне не удастся прочесть сразу (или даже при неоднократном перечитывании) я оставляю свободные места в тексте и отмечаю в сноске: «слово не разобрано», или «неразборчиво переправленное», или «залито клеем» и т. п. <с. 8>

2) Параллельно с этой основной работой по расшифровке записной книжки Женевского периода (сентябрь-декабрь 1867 г.), я произвожу сравнение записей, содержащихся во второй записной книжке, с соответствующими записями опубликованного в 1923 г. «Дневника А. Г. Достоевской». (Эта записная книжка содержит материал, соответствующий 192 страницам опубликованного текста).

Это мне нужно для того, чтобы выявить и ознакомиться с особыми, придуманными Анной Григорьевной, и применявшимися ею сокращениями слов, которых, естественно, не могло быть в изучавшемся мною «Руководстве». Для этой цели я выписала из библиотеки ИРЛИ «Дневник А. Г. Достоевской».

3) Следующий этап работы – перепечатка расшифрованного материала на машинке (с пропусками отдельных непрочитанных слов).

4) После перепечатки сверить со стенографической записью, по возможности останавливаясь на пропусках и пытаюсь прочесть не прочитанные еще слова.

5) Окончательная перепечатка всего материала.

Ориентировочный план моей работы такой:

Всего Дневник (одна книжка) содержит 250 страничек стенографического текста. Каждая страничка соответствует $1\frac{1}{4}$ страницам машинки. Таким образом, если мне удастся все прочесть, то общий объем расшифрованного и перепечатанного материала составит около 300 страниц машинописного текста.

Если учесть, что в день я могу расшифровать, примерно 5–6 страниц стенографического текста, то можно предположить, что длительность работы при первом прочтении составит около <с. 9> 40–50 рабочих дней. Это так называемая черновая работа.

После этого необходимо затратить некоторое время на выверку текста и возвращение к отдельным непрочитанным словам с тем, чтобы заполнить пропуски слов.

Опыт работы над архивными стенографическими материалами А. Г. в Институте Литературы показал, что при неоднократном прочтывании удается восстановить часть непрочитанных слов, во всяком случае, свести их к минимуму.

Правда, в данном случае работа осложняется тем, что запись сделана в записной книжке без линеек, причем она исписана поперек страничек и очень мелко (материалы, хранящиеся в архиве ИРЛИ, написаны чернилами и крупным почерком). Так что мне придется обзавестись лупой; в читальном зале Рукописного отдела есть всего одна лупа на всех работающих в зале.

Для того, чтобы Вы имели некоторое представление о содержании, скажу очень кратко, о чем сделаны записи.

Прогулки, с описанием красот швейцарских деревень и Женевского озера, отдельно и вместе с Ф. М., их беседы, ссоры, обеды, описание приезда Гарибальди, которого А. Г. видела одна (Ф. М. был в другом месте встречи), причем она отмечает, что когда она увидела Гарибальди, ей «показалось, что это Федя, так как у него лоб похож на лоб Гарибальди...», хождение на почту, содержание письма, полученного от матери, где говорится о беседе матери с Пашей (Исаевым) и передача содержания его Феде, его резкая реакция на него; описание припадка и т. д.

Ну, вот пока и все.

Всего доброго

Уважающая Вас Ц. Пошеманская

6/1-58 <с. 10>

<5>

Добрый день, Вера Михайловна, простите, что задержала ответ, — я была больна и только на днях приступила к работе.

Я хотела бы разъяснить, почему присланный Вами договор не подходит мне ни в одном пункте, в основном, из-за нереального срока (1 апреля) предоставленного мне в договоре.

1. Вы не учли, Вера Михайловна, что я могла бы отдавать работе над Дневником *каждый* месяц (согласно разрешению Нач. Управления культуры) только 12 рабочих дней, а другие 12 дней месяца должна ведь выполнять свою основную работу, от которой я не освобождена.

Следовательно, 50 рабочих дней, которые я рассчитала, чтобы закончить расшифровку *вчера*, для меня составляют $50:12=4$ месяца с лишним.

Что значит расшифровка *вчера*? Расшифровка *вчера* это только половина работы. При расшифровке *вчера* я прочитываю все, что могу прочитать не задерживаясь особенно на неразобранных словах, а они встречаются

в большом количестве. Иногда смысл и без них ясен, а иногда без них фразы не получается. Но и в том, и в другом случае, я думаю, Вы согласитесь, что необходимо не щадить усилий на то, чтобы их разобрать, а для этого нужно время. Как я это делаю, я объясню ниже.

Больше того, самая тяжелая и трудоемкая работа, время на которую Вы совсем не учли в расчете времени на всю работу, — начинается именно по окончании расшифровки вчерне.

В чем она будет состоять? Закончив расшифровывать и переписывать в тетради весь материал (около 300 стр.) и оставляя пробелы из-за неразобранных слов, я должна проделать следующую работу:

1) сличить (сверить) стенографический материал с перепечатанным мною с целью уточнения текста и здесь я уже специально буду останавливаться на словах неразобранных, то ли потому, что они неясно или очень сокращенно написаны стенографически, неразборчиво переправлены и т. п.

2) Уточнив все и по возможности разобрав неразобранные места, снова все перепечатать и в таком виде уже передать Вам весь материал.

Теперь я хотела бы Вам объяснить каким способом я буду пытаться расшифровывать слова и фразы, первоначально не поддававшиеся расшифровке.

Надо сказать, что в этой записной книжке записи произведены на бумаге не линованной. Отсутствие линеек затрудняет правильное прочтение, потому что в зависимости от расположения слова выше или ниже линии строки (или на строке) слово читается иначе, меняется смысл.

Для того, чтобы не исказить смысла при расшифровке и иметь подтверждение правильности прочтения того или иного слова (если есть сомнение) придется заглядывать в алфавитный словарь стенографических сокращений, составленный мною на материале стенограмм Анны Григорьевны, содержащий сейчас около 1000 сокращений и пополняемый мною. <с. 11>

Мне приходится обращаться и к помощи опубликованного «Дневника А. Г. Достоевской», я сличаю с ним вторую дневниковую записную книжку, выявляя таким путем сокращения, мне неизвестные, но встречающиеся в расшифровываемом мною Дневнике. На эту работу я отвожу при работе в ИРЛИ каждый раз 1–2 часа.

Поверьте, Вера Михайловна, я не хочу представить работу сложнее, чем она есть на самом деле, но я хочу, чтобы Вы согласились со мной, что работа не может быть выполнена в 3 месяца, как это значит в договоре, а по существу в полтора месяца, так как половину времени я ведь должна отдавать своей служебной работе.

2. Я не являюсь ни «автором», ни даже литератором, поэтому не могу взять на себя редактирование Дневника, как это вменяется в обязанность автору по договору.

Я не могу представить материал в *совершенно готовом для печати виде*, как того требует договор. И дальше в договоре говорится о санкциях в отношении автора, в случае нарушения им срока договора, отказа от исправлений, и говорится об авторской корректуре. Объясню, почему все эти пункты мне не подходят.

Дневник, действительно, требует редактирования: та часть Дневника, которая расшифрована и переписана самой Анной Григорьевной, содержит отклонения от стенографической записи: есть стилистические исправления, дополнения и исключения отдельных фраз, а также смысловая переделка, так что есть расхождения между стенографическим Дневником и расшифровкой его Анной Григорьевной. Примеры расхождений я частично выписала еще в 1956 году, когда 7 дней работала в ГБЛ, они вошли в мой письменный доклад проф. М. П. Алексееву, но это материал ГБЛ, так что я могу их прислать, если пожелаете.

Моя задача — дать фотографию Дневника, т. е. максимально точная, дословная, расшифровка Дневника, как имеющего определенную историко-литературную ценность. Редактирование же, о котором говорится в договоре, надо понимать не в обычном смысле, а главным образом — по линии сокращения текста. Это самостоятельная, большая и ответственная работа, которая должна быть поручена специалисту.

Хотела бы сказать, Вера Михайловна, что в этом типовом для литературного работника договоре предусмотрено все, кроме основного для меня условия — возможности спокойно работать над Дневником, не думая о том, что я связана сроком договора, причем не имея даже возможности удлинить часы своей работы ежедневно, если бы мне это потребовалось, из опасения не уложиться в срок: во-первых, я связана необходимостью часть времени отдавать Бюро съездовых стенографов и там могут моим временем распорядиться по своему (направить на несколько дней на конференцию, в командировку и т. п.), во-вторых, я связана рабочим днем Института Литературы.

Здесь не может быть аналогии между работой любого автора над своим трудом и моей работой над Дневником, так как автор может не прерывать своей работы хотя бы круглые сутки, если это ему необходимо; я же в Институте в половине шестого вынуждена прерывать расшифровку на середине фразы. <с. 12>

Не знаю, как я буду себя чувствовать закончив этот труд, а пока не могу не сказать, что с мая 1956 г. я имею лишь огромную потерю рабочего

и личного времени, материальный ущерб, в связи с этим, и моральное удовлетворение.

В конце концов, я пришла к такому выводу.

Поскольку работа над Дневником не имеет никакой срочности, я буду его расшифровывать столько времени, сколько мне для этого понадобится, считая первоочередной работой мою служебную работу, и не связывая себя договором (по крайней мере до того времени, когда я увижу, что работа идет к концу).

Вера Михайловна, после первых трех дней января, я смогла работать в Институте еще 8 и 10 января, потом заболела и продолжила работу лишь 23 и 25 января. Следовательно, работа подвинулась мало. Но все же я сделала *вчера* (подчеркиваю это) всего, примерно, 50 страниц, (в пересчете на машинку).

Скажу кратко о содержании записей.

В связи с днем рождения, А. Г. вспоминает то время, когда она жила у матери, и как тогда отмечался день ее рождения. Воспоминания очень пространные и затрагивают даже 1862 год.

Затем собственные комментарии А. Г. по поводу причины отъезда Гарибальди из Швейцарии до окончания работы конгресса; описание заседания в конгрессе, куда они, купив билеты, отправились с Федей; ее комментарии по поводу выступления там ораторов.

Описание ссоры с Федей из-за записки, которую он вынул случайно из кармана, и которую она приняла за записку от «особы». Подробное описание того, как она схватила записку, а он не выпускал из руки, в результате записку разорвали на клочки и бросили каждый свои клочки на землю, а она вернулась, собрала их и прочитала адрес. Ее ревнивые подозрения, что это адрес той «особы», истерика дома, хождение несколько раз по этому адресу с целью разузнать что-нибудь и т. д.

Наблюдение за Федей из опасения, что он пойдет к воображаемой «особе»; описание препровождения времени в течение одного дня (магазины, обед, работа с Федей и пр.), много о дождливой погоде и воспоминания о жизни у мамы; ссора по пути, когда шли обедать под одним зонтом во время дождя и она поскользнулась; перечисление оскорблений со стороны Федеи, в связи с этим; продолжение ссоры дома, грустное настроение, в связи с этим.

О присылке денег Майковым, обида на Федю за его постоянные упреки, что мама присылает «не франкованные» письма, за которые приходится доплачивать по 1 франку; о том, как Федя заснул с папиросой и прожог хозяйскую простыню.

Описание прогулки на дилижансе в окрестности (на таком, какие ходят по Невскому), возвращение, покупка шляпы для Федеи и т. п.

Извините, Вера Михайловна, за длинное письмо, разрешите на этом, наконец, закончить и пожелать Вам всего доброго.

Ц. Пошеманская

28/I <с. 13>

<6>

Добрый день, Вера Михайловна,

Моя работа над Дневником, наконец-то, сдвинулась с мертвой точки, так как теперь я имею возможность более или менее регулярно заниматься в Рукописном отделе.

Я предполагаю Вам отправить в течение апреля 50 страниц уже выверенного текста в двух экземплярах. Но предварительно, перед тем как окончательно печатать, мне надо знать, должна ли я один экземпляр (кроме тех, что Вам вышлю), передать Рукописному отделу (по окончании всей работы), потому что когда я заполняла читательскую анкету и подписывала ее, обратила внимание на один пункт, — что читатель обязан один экземпляр своей продукции, произведенной, так сказать в Рукописном отделе, оставлять там. А в зависимости от этого я должна печатать и количество экземпляров. Прошу Вас разъяснить.

Прочитанные мною дальше страницы содержат следующее:

Описание прогулки А. Г. по городу, затем прогулки вместе с Федей. Грустные размышления по поводу невозможности купить новое платье. Много о жизни в период до выхода замуж. Описание припадка. Описание ссоры за кофе. Хождение в библиотеку. Описание того, как Федя «с самым серьезным видом мелет кофе». О хорошем настроении Федеи и его шутках. Посещение ею консула для засвидетельствования доверенности. Примерка платьев в дамском магазине и сожаление, что не в состоянии купить. Обида, что вынуждена носить старомодное платье, какие «носят одни кухарки». Посещение музея, впечатление от картин Рубенса, который рисует «каких-то лошадей, вместо женщин». Прогулка с <с. 14> Федей. Его мысли о смерти. Сборы Федеи для отъезда играть и проводы его на вокзал. Описание дня без Федеи. Работа для него по срочной переписке его статьи. Воспоминание о жизни у матери. Сетования по поводу денежных затруднений. Упоминание о том, что «сегодня он начал программу своего нового романа в той тетради, где было записано «Преступление и наказание» и т. п.

С приветом Ц. Пошеманская

8/IV <с. 15>

Дата поступления в редакцию: 10.06.2018

Irina S. Andrianova

*Ph.D. in Philology,
Head of Web-laboratory of the Faculty of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru*

**“I AM DEVOTED TO HER AGAINST HER WILL”:
ON THE DECIPHERMENT OF THE STENOGRAPHIC
DIARY OF ANNA DOSTOEVSKAYA
BY CECILIYA POSHEMANSKAYA**

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 17-34-01075-OGN a2.

Abstract: In 2018 the Decree of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation abolished the profession of a stenographer due to the absence of demand. Researchers of the creative work of Fyodor Dostoevsky cherish the memory of two female stenographers — the writer’s collaborator Anna Dostoevskaya and Ceciliya Poshemanskaya, a modest stenographer from Leningrad that managed to find the key to the shorthand system of the former. In the 1950s-1970s Poshemanskaya disclosed to the public the diary of Anna Dostoevskaya of 1867, the rough copies of “A Writer’s Diary” and “The Brothers Karamazov” and some more pages written shorthand by the writer’s assistant. The information on Poshemanskaya and her long-term, broad scale work in the memory of Dostoevsky is scarce. This article gives a brief description of the main stages of her creative career of the stenographer from Leningrad. Some additional details on life and work of Poshemanskaya are available in the documents kept in the fund of historian-registrar Sarra V. Zhitomirskaya (10239-fund). Principally, in the letters of Poshemanskaya to Vera M. Fyodorova and Sarra V. Zhitomirskaya, employees of the Manuscript Department of the V. I. Lenin State Library. The fragments of Poshemanskaya’s letters and her two letters to Vera M. Fyodorova published in the article’s supplement throw light upon the methods of the stenographer’s work and assign the objective to use her experience while decoding shorthand notes from the Dostoevsky archive as well as other historic stenographs.

Keywords: Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, Ceciliya M. Poshemanskaya, Sarra V. Zhitomirskaya, Vera M. Fedorova, shorthand, diary, State Archive of the Russian Federation

REFERENCES

1. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Shorthand System of Anna Dostoevskaya: The Problem of Decryption. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 43–67. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (accessed on April 20, 2018) (In Russ.)
2. Valgina N. C. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke [Active processes in the Modern Russian Language]*. Moscow, Logos, 2001. 302 p. (In Russ.)
3. Veksler A. F., Krasheninnikova T. Ya. *Takaya udivitel'naya Ligovka [Such an Amazing Ligovka]*. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Russkaya troyka-SPb Publ., 2012. 590 p. (In Russ.)
4. Grechuk N. V. *Peterburg. Sobytiya i litsa: istoriya goroda v fotografyakh Karla Bully i ego sovremennikov [Petersburg. Events and Faces: the History of the City in the Photographs of Karl Bulla and His Contemporaries]*. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Russkaya troyka-SPb Publ., 2015. 477 p. (In Russ.)

5. Dlusskiy S. M. Chto takoye stenografiya? Znachenie eye v istoricheskom, obshchestvennom i pedagogicheskom otnosheniyakh [*What is Shorthand? Its Significance in Historical, Social and Pedagogical Aspects*]. St. Petersburg, D. F. Fedorov Publ., 1874. 32 p. (In Russ.)
6. Zhytomyrskaya S. V. *Prosto zhizn'* [*Just life*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 599 p. (In Russ.)
7. Rogov A. A., Skabin A. V., I. A. Sterkel. On Decipherment of Historical Handwritten Documents. [*Informatsionnyye tekhnologii i pis'mennoye nasledie*] *Information technologies and written heritage*. Petrozavodsk, 2012. P. 230–233. (In Russ.)
8. Yurkovskiy A. M. *Izuchay stenografiyu!* [*Learn shorthand!*] Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 94 p. (In Russ.)
9. Yurkovskiy A. M. *Stenografiya skvoz' veka: Ocherki po istorii stenografii* [*Shorthand Through Centuries: Essays on the History of Shorthand*]. Moscow, Kniga Publ., 1969. 163 p. (In Russ.)

Received: June 10, 2018